

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ. 2015–2016 уч. г.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП. 10 КЛАСС

Часть I. ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ (30 баллов)

Прочитайте и сравните два отрывка: 1) фрагмент из автобиографического эссе М.И. Цветаевой «Мой Пушкин» и 2) отрывок из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Выполните задания.

1. Обозначьте вещественную деталь, о которой идёт речь в обоих отрывках. (2 балла)
2. Объясните, в чём сходство и различие рисуемых обоими поэтами сцен (до 8 баллов).
3. Проанализируйте, как из пушкинского текста в сознании Цветаевой складывается её собственное представление о любви. Ответьте в 5–10 предложениях (до 10 баллов).
4. Что, по Вашему мнению, означают слова Цветаевой: «Ибо женщины *так* читают поэтов, а не иначе»? Ответьте в 3–5 предложениях (до 10 баллов).

Оцениваются: связность, доказательность, логика и оригинальность высказанных суждений, стиль и язык изложения, а также грамотность (речевые, грамматические, орфографические и пунктуационные ошибки).

(1)

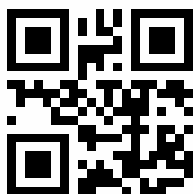
«Немного позже – мне было шесть лет, и это был мой первый музыкальный год – в музыкальной школе Зограф-Плаксиной, в Мерзляковском переулке, был, как это тогда называлось, публичный вечер – рождественский. Давали сцену из “Русалки”, потом “Рогнеду” – и:

*Теперь мы в сад перелетим,
Где встретилась Татьяна с ним.*

Скамейка. На скамейке – Татьяна. Потом приходит Онегин, но не садится, а *она* встает. Оба стоят. И говорит только он, всё время, долго, а она не говорит ни слова. И тут я понимаю, что рыжий кот, Августа Ивановна, куклы *не* любовь, что *это* – любовь: когда скамейка, на скамейке – она, потом приходит он, и всё время говорит, а она не говорит ни слова.

- Что же, Муся, тебе больше всего понравилось? – мать, по окончании.
- Татьяна и Онегин.
- Что? Не Русалка, где мельница, и князь, и леший? Не Рогнеда?
- Татьяна и Онегин. <...>

Я не в Онегина влюбилась, а в Онегина и Татьяну (и может быть, в Татьяну немножко больше), в них обоих вместе, в любовь. И ни одной своей вещи я потом не писала, не влюбившись одновременно в двух (в неё – немножко больше), не в них двух, а в их любовь. В любовь.

Скамейка, на которой они *не* сидели, оказалась предопределяющей. Я ни тогда, ни потом, никогда не любила, когда целовались, всегда – когда расставались. Никогда не любила – когда садились, всегда – когда расходились. Моя первая любовная сцена была нелюбовная: он *не* любил (это я поняла), потому и не сел, любила *она*, потому и встала, они ни минуты не были вместе, ничего вместе не делали, делали совершенно обратное: он говорил, она молчала, он не любил, она любила, он ушёл, она осталась, так что если поднять занавес – она одна стоит, а может быть, опять сидит, потому что стояла она только потому, что *он* стоял, а потом рухнула и так будет сидеть вечно. Татьяна на той скамейке сидит вечно.

Эта первая моя любовная сцена предопределила все мои последующие, всю страсть во мне несчастной, невзаимной, невозможной любви. Я с той самой минуты не захотела быть счастливой и этим себя на *не-любовь* – обрекла. <...>

Так, Татьяна не только на всю мою жизнь повлияла, но на самый факт моей жизни: не было бы пушкинской Татьяны – не было бы меня.

Ибо женщины *так* читают поэтов, а не иначе».

(2)

XXXVIII

И между тем душа в ней ныла,
И слёз был полон томный взор.
Вдруг топот!.. кровь её застыла.
Вот ближе! скачут... и на двор
Евгений! «Ах!» – и легче тени
Татьяна прыг в другие сени,
С крыльца на двор, и прямо в сад,
Летит, летит; взглянуть назад
Не смеет; мигом обежала
Куртины, мостики, лужок,
Аллею к озеру, лесок,
Кусты сирен переломала,
По цветникам летя к ручью,
И, задыхаясь, на скамью

XXXIX

Упала...
«Здесь он! здесь Евгений!
О Боже! что подумал он!»
В ней сердце, полное мучений,
Хранит надежды тёмный сон;
Она дрожит и жаром пышет,
И ждёт: найдёт ли? Но не слышит.

В саду служанки, на грядках,
Сбирали ягоду в кустах
И хором по наказу пели
(Наказ, основанный на том,
Чтоб барской ягоды тайком
Уста лукавые не ели
И пеньем были заняты:
Затея сельской остроты!). <...>

XL

Они поют, и, с небреженьем
Внимая звонкий голос их,
Ждала Татьяна с нетерпеньем,
Чтоб трепет сердца в ней затих,
Чтобы прошло ланит пыланье.
Но в персях то же трепетанье,
И не проходит жар ланит,
Но ярче, ярче лишь горит...
Так бедный мотылёк и блещет,
И бьётся радужным крылом,
Пленённый школьным шалуном;
Так зайчик в озими трепещет,
Увидя вдруг издалека
В кусты припадшего стрелка.

XLI

Но наконец она вздохнула
И встала со скамьи своей;
Пошла, но только повернула
В аллею, прямо перед ней,
Блестая взорами, Евгений
Стоит подобно грозной тени,
И, как огнём обожжена,
Остановилась она.
Но следствия нежданной встречи
Сегодня, милые друзья,
Пересказать не в силах я;
Мне должно после долгой речи
И погулять и отдохнуть:
Докончу после как-нибудь.

Часть II (40 баллов)

Выполните целостный анализ предложенного произведения.

Выберите ОДИН из предложенных вариантов

Вариант 1. ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Аркадий Тимофеевич Аверченко (1881–1925)

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КАРТИНЫ (Из выставочных встреч)

До сих пор при случайных встречах с модернистами я смотрел на них с некоторым страхом: мне казалось, что такой художник-модернист среди разговора или неожиданно укусит меня за плечо или попросит взаймы.

Но это странное чувство улетучилось после первого же ближайшего знакомства с таким художником.

Он оказался человеком крайне миролюбивого характера и джентльменом, хотя и с примесью бесстыдного лганья.

Я тогда был на одной из картинных выставок, сезон которых теперь в полном разгаре, – и тратил вторые полчаса на созерцание висевшей передо мной странной картины.

Картина эта не возбуждала во мне весёлого настроения... Через всё полотно шла жёлтая полоса, по одну сторону которой были наставлены маленькие закорючки чёрного цвета. Такие же закорючки, но лилового цвета, приятно разнообразили тон внизу картины. Сбоку висело солнце, которое было бы очень недурным астрономическим светилом, если бы не было односторонним и притом – голубого цвета.

Первое предположение, которое мелькнуло во мне при взгляде на эту картину, – что передо мной морской вид. Но чёрные закорючки сверху разрушали это предположение самым безжалостным образом.

– Э! – сказал я сам себе. – Ловкач-художник просто изобразил внутренность нормандской хижины...

Но одностороннее солнце всем своим видом и положением отрицало эту несложную версию.

Я попробовал взглянуть на картину в кулак: впечатление сконцентрировалось, и удивительная картина стала ещё непонятнее...

Я пустился на хитрость – крепко зажмурил глаза и потом, поболтав головой, сразу широко открыл их...

Одностороннее солнце по-прежнему пузырилось выпуклой стороной и закорючки с утомительной стойкостью висели – каждая на своём месте.

Около меня вертелся уже минут десять незнакомый молодой господин с зеленоватым лицом и таким широким галстуком, что я должен был всё время вежливо от него сторониться. Молодой господин заглядывал мне в лицо,

подёргивал плечом и вообще выражал живейшее удовольствие по поводу всего его окружающего.

– Чёрт возьми! – проворчал я, наконец потеряв терпение. – Хотелось бы мне знать автора этой картины... Я б ему...

Молодой господин радостно закивал головой:

– Правда? Вам картина нравится?! Я очень рад, что вы оторваться от неё не можете. Другие ругались, а вы... Позвольте мне пожать вам руку.

– Кто вы такой? – отрывисто спросил я.

– Я? Автор этой картины! Какова штучка?!

– Да-а... Скажите, – сурово обратился я к нему. – Что это такое?

– Это? Господи боже мой... «Четырнадцатая скрипичная соната Бетховена, опус восемнадцатый». Самая простейшая соната.

Я ещё раз внимательно осмотрел картину.

– Соната?

– Соната.

– Вы говорите, восемнадцатый? – мрачно переспросил я.

– Да-с, восемнадцатый.

– Не перепутали ли вы? Не есть ли это пятая соната Бетховена; опус двадцать четвёртый?

Он побледнел.

– Н-нет... Насколько я помню, это именно четырнадцатая соната.

Я недоверчиво посмотрел на его зелёное лицо.

– Объясните мне... Какие бы изменения сделали вы, если бы вам пришлось переделать эту вещь опуса на два выше?.. Или дёрнуть даже шестую сонату... А? Чего нам с вами, молодой человек, стесняться? Как вы думаете?

Он заволновался.

– Так нельзя... Вы вводите в настроение математическое начало... Это продукт моего личного переживания! Подходите к этому, как к четырнадцатой сонате.

Я грустно улыбнулся.

– К сожалению, мне трудно исполнить ваше предложение... О-очень трудно! Четырнадцатой сонаты я не увижу.

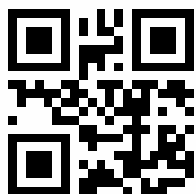
– Почему?!!

– Потому что их всего десять. Скрипичных сонат Бетховена, к сожалению, всего десять. Старикашка был преленивым субъектом.

– Что вы ко мне пристаёте?! Значит, эта вещь игралась не на скрипке, а на виолончели!.. Вот и всё! На высоких нотах... Я и переживал.

– Старик как будто задался целью строить вам козни... Виолончельных-то сонат всего шесть и состряпано.

Мой собеседник, удручённый, стоял, опустив голову, и отколупывал от статуи кусочки гипса.

– Не надо портить статуи, – попросил я.

Он вздохнул.

У него был такой вид, что я сжалился над заблудившимся импрессионистом.

– Вы знаете... Пусть это останется между нами. Но при условии, если вы дадите мне слово исправиться и начать вести новую честную жизнь. Вы не будете выставлять таких картин, а я буду помалкивать о вашем этом переживании. Ладно?

Он сморщил зелёное лицо в гримасу, но обещал.

Через неделю я увидел на другой выставке новую его картину: «Седьмая fuga Чайковского, Оп. 9, изд. Ю. Г. Циммермана».

Он не сдержал обещания. Я – тоже.

(1910)

Вариант 2. ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ СТИХОТВОРНОГО ТЕКСТА

Елена Андреевна Шварц (1948–2010)

POETICA – MORE GEOMETRICO¹

Параллельные строки сошлись.
В их скрещённом углу покраснелся приют.
Уезжала с вокзальных лучей, что ведут
На все стороны – но слились,
И все души мои столкнулись тут
И разбились о крепкую тьму,
Непостижную дальше уму.

Заблудилась в лесу, утонула в морях.
О душа, ты взывала из ямы ввысь,
Но стихи, как собаки, неслись в сумасшедших санях,
Параллельные тропы сошлись.

И сошлись они там, откуда ушли –
В этом остро-тупом углу,
Там ланцетом изъяли подкожную жизнь,
И живу я теперь, где они сошлись –
В каждой букве дрожит по углю.

Но одежду дали уму
На живое пришитую тьму,
Слишком сильно ветер шумит
В этом красном словесном углу.

(1994)

Максимальное количество баллов за работу – 70.

¹ Поэзия – геометрическим способом (с помощью геометрии), лат.